

Поздним декабрьским вечером Митька не спал. Соблюдая режим светомаскировки, он сидел на корточках под подоконником, время от времени приподнимался чуть выше, чтобы можно было увидеть улицу, и прислушивался к доносившемуся рокоту стреляющего дальнобойного оружия. Восьмилетний мальчишка представлял себя заправским разведчиком, пробравшимся в стан врага и ведущим дозор. Митька старался следовать необходимым правилам безопасности, чтобы со стороны улицы не быть замеченным противником. Лоб и глаза «разведчика» были тщательно замаскированы: на подоконнике стояли глиняные горшки с цветами, и в узкие щели между ними было удобно подглядывать.

В его комнату вошла мама, держа в руках маленький фонарик.

— Ложись! — крикнул ей Митька. — Мама, ты видала, как сейчас жажнуло? Видала? — и, покинув пост под подоконником, он осторожно пополз на пузе к своей кровати, стоявшей вдоль стены между окном и дверью.

— Видеть не видала, но слышала, — ответила женщина и направилась к кровати, на которую уже забирался с пола Митька. — Смотри беду не накличь, фантазёр мой, — продолжала она, — а то и правда увидеть придётся. Ох, радуйся, сынок, что враги пока не под нашими окнами и мы их только слышим.

— Если придут финские солдаты, то я им... ух как покажу, — сказал «разведчик», подняв свой плотно сжатый костлявый кулак над головой...

Это был конец 1939 года. В результате советско-финского военного конфликта на Карельском перешейке шли ожесточённые сражения. Жители посёлка Лесной, находившегося в северном районе Ленинградской области, с

первых дней прочувствовали эту войну, поскольку звуки её отчётливо доносились до их прифронтовой местности. Привычная мирная жизнь осталась в прошлом. Рост цен, перебои с продовольствием, введённый режим светомаскировки — всё это лишний раз напоминало об опасности. Люди ждали новостей с фронта, раскупали утренние газеты и мечтали о том, чтобы всё как можно скорее закончилось.

Митька с родителями проживал в небольшом деревянном доме, построенном недалеко от «Молокосоюза» — магазина, занимавшего площадь первого этажа одного из самых примечательных и крупных поселковых домов, по форме напоминавшего огромный корабль. Здесь всегда былолюдно, и часто на улице собиралась длинная очередь из покупателей. Митька любил эту местность и гордился тем, что живёт на таком «козырном» пятачке. И с удовольствием в помощь родителям бегал в магазинчик за молочными и другими продуктами.

В марте 1940 года весть об окончании советско-финской войны жители Лесного восприняли с огромной радостью, ожидая, что теперь-то жизнь вернётся в привычное русло. Митьке как раз через неделю после этой долгожданной новости исполнилось девять лет — так что в его семье было два праздника, выпавших на этот первый весенний месяц.

Родители Митьки работали на заводе «Светлана». Предприятие построили в 1913 году, и оно значилось как Ленинградское объединение электронного приборостроения. Со временем этот пятиэтажный завод из красного кирпича стал крупнейшим в России и славился своей продукцией

даже за рубежом. С момента открытия «Светлана» занималась выпуском ламп накаливания, а в 1928 году там запустили электровакуумное производство.

Двадцать второго июня 1941 года, воскресным утром,

труженики «Светланы», придя на работу — на заводе выходным днём значился понедельник, — услышали радиосообщение: война!

После этого страшного известия около шестисот светлановцев в самые первые дни войны вступили в отряд добровольцев. Среди этих людей был и отец Митьки — Аркадий Николаевич. Он двадцать пятого июля 1941 года в рядах 3-й дивизии народного ополчения по железной дороге отправляется на станцию Лодейное Поле. Далее их эшелон следует на железнодорожные станции Петергоф, Красное Село, Гатчина. А после — в Олонец, где ополченцы вступят в ожесточённое сражение с противником, втрое превосходящим их по численности. И именно там, под Олонцом, жизнь Аркадия Николаевича оборвётся в самом начале войны — в домик в Лесном принесут похоронку.

Митька будет вспоминать отца крепким, среднего роста тридцатидвухлетним мужчиной, с чернявыми волосами и густыми, сросшимися на переносице бровями, которые ничуть не придавали ему суровости. Возможно, это большие угольные глаза, излучавшие неподдельную доброту и жизнелюбие, как-то особенно освещали его худое вытянутое лицо и вызывали самые приятные чувства у собеседников, коллег, родных. А может, чудаковатый нос картошкой и задранный к нему дугая, словно на стекольном заводе (как любила шутить его жена), верхняя губа добавляли выражению лица Аркадия что-то детское и шкодное, располагающее к себе.

Точной копией отца был и Митька. Только, в соответствии с возрастом, его брови ещё не так близко смыкались друг с другом, и волосы имели более светлый оттенок, особенно летом, выгорая под солнцем. Мясистый мальчишеский нос, такая же верхняя губа — один стеклодув работал (как опять же шутила мама) — и такие же отцовские искрящиеся глаза-угольки.

Тем временем Галина Петровна, Митькина мама, продолжала работать на заводе. Основное производство в июле-августе 1941 года было демонтировано и в эшелонах отправлено в Новосибирск. Однако вывезли не всё, и часть завода по-прежнему функционировала в Лесном. Трудились в основном женщины и подростки, так как

большинство мужчин отправилось на борьбу с фашистами. Для Ленинградского фронта требовались боеприпасы, и в оставшихся цехах светлановцы стали выпускать корпуса для снарядов, ампулы для противотанковых поджигателей и прочее. С тех пор как завод с таким красивым женским именем «Светлана» перевели на военные рельсы, работать приходилось на износ. Никто не жаловался — наоборот, трудящиеся старались изо всех сил: «Всё для фронта, всё для победы». Галина Петровна из пышущей здоровьем стала превращаться в тающую на глазах женщину. Даже высоко поднятые дугообразные тоненькие коричневые брови не могли придать жизни её измученному лицу. Серые глаза смотрели на этот мир со страхом и усталостью. Нос и подбородок казались острее, чем раньше, из-за худющих впалых щёк, а полные и чётко очерченные губы по-волевому были плотно сжаты вместо привычной открытой доверенной улыбки. И изнуряющий труд, и известие о гибели мужа, и бомбёжки — всё это наложило отпечаток на лицо этой тридцатилетней женщины. Единственная отрада — сын Митька. Надо было беречь его во что бы то ни стало.

Лесной в очередной раз подвергся немецкой атаке. Ночью Галина Петровна с сыном выбежали из дома и направились в сторону бомбоубежища. Шум разрывающихся снарядов, темнота, гонимые страхом люди, крики. Митька неожиданно остановился и дёрнул за руку маму. Он услышал детский плач и захотел оказать помощь. Улицу осветило вспышкой, и они увидели лежащее на земле изуродованное тело. Что это человек, можно было узнать только по уцелевшим ногам. В луже крови и грязи не сразу удалось понять, кто кричит:

— Мама, вставай!

Под разорванной, уже мёртвой женщиной находился мальчишка. Выбраться сам он не мог, да и то, что его мама никогда не встанет, тоже вряд ли понимал. Она лежала на животе, которым и закрыла сына, подставив свою спину летящим осколкам. Митька кинулся к ним.

— Не смей! — крикнула Галина Петровна. — Беги в укрытие, я сама.

— Мама, я не оставляю тебя, я с тобой, — перечил Митя и хотел помочь сдвинуть мёртвое женское тело.

Но не смог себя пересилить... Это было настолько страшное зрелище, что он, отшатнувшись, побежал со всех ног вперёд, в убежище, как и велела мать.

Лето 1942 года. Блокадный Ленинград. Двое ребят, наравив крапивы, сидели на пустыре. Одному исполнилось уже одиннадцать лет, а второму — шесть.

— Митя, а помнишь, как ты меня спас? Ты мой герой!

— Скажешь тоже. Ну тебя... Это мама спасла, а я убежал, как трус. Хорошо, что ей кто-то помог тебя вытащить. А ты-то правда, что ли, помнишь всё?

— Всё... — и Гриша, опустив голову, замолчал.

— Ладно, не кисни. Чего нюни распустил? А ты знаешь, что у меня есть?

— Что? Червяка поймал? — оживился Гриша.

— Нет, балда ты маленькая! Вот чего, — и Митька достал из кармана два грязных сухарика.

— Братка, ты что, волшебник? — закричал Гриша, приплясывая.

— Волшебник! Держи один, — сказал Митька, протягивая сухарь, а второй убирая обратно в карман.

— Ты чего же, не будешь?

— Нет, не хочу. Маме отдам.

— Ой, братка, а я свой уже в рот затолкал. На вот тоже маме, — выплюнув сухарь в ладошку, процедил Гриша.

— Ну, ты точно, малявка, балда! Жуй давай. И пойдём липовых листьев нарвём, мама, может, лепёшек нажарит.

Вернувшись домой с крапивой, липовыми листьями и сухариком, мальчики с порога поспешили обрадовать маму. Галина Петровна от сухаря отказалась, и Митька со спокойной душой съел его сам. Вечер ожидался хорошим и сытным. Мама где-то раздобыла олифу, и лепёшки на ней должны были получиться поджаристыми.

Так втроем они и пережили блокаду. Ребята ещё до войны знали друг друга, но за эти страшные годы стали самыми родными. Дом, в котором раньше жил Гриша с родителями, был разрушен. Стоял он за «Молокосоюзом», и как раз в тот день, когда погибла его мама, снаряд угодил в их домик. Задержись Гриша с мамой в нём, то всё закончилось бы ещё печальнее.

Со временем Гриша стал называть Галину Петровну мамой. Про своего отца же, который ушёл на фронт ещё в 1941 году, ничего пока не знал.

Много пережила Галина Петровна с сыновьями. Война закончилась. И летом 1945 года к ним в гости приехали родственники из Москвы. Митьке было уже четырнадцать, а младшему, белобрысому и голубоглазому Грише, исполнилось девять лет. Родные прибыли с детьми, тоже с двумя мальчишками — одиннадцати и четырнадцати лет. Пока женщины хлопотали в кухоньке, брат Галины Петровны показывал ребятам настоящий пистолет. Дети, обступив его со всех сторон, просили пошагово рассказать, как пользоваться оружием. Но получив ответ «потом», наперебой стали спрашивать о другом:

— Дядь Серёж, а вы из этого пестика по немцам палили?

— Па-а, ну скажи ты им, что ты танкистом был, а не из пистолета стрелял.

— Да! Слышали? Он у нас гусеницами фашистов давил и взрывал их. Ба-а-ах!

Сергей Иванович, оставив мальчишек, вышел в сени и положил пистолет в коробочку, сам же, зажав в зубах папироску, отправился на улицу.

Ребята юркнули в сени и схватили коробку. Вернувшись в комнату, они разыгрались не на шутку.

— Руки вверх!

— Ну и балда ты, Гриша. Хенде хох — так надо.

— Хук хенде, — повторил младший, и ребята засмеялись.

— А ну дайте мне, я что-то покажу, — вскрикнул Митька.

Подошёл к одному из двоюродных братьев и, выхватив у него пистолет, сначала покрутил его в руках, а потом направил на себя.

Раздался выстрел. Женщины вбежали в комнату. На полу лежал Митька с простреленной головой. Гриша сидел на коленях рядом с ним и так же, как когда-то своей маме во время бомбёжки в 1941-м, кричал:

— Вставай!